

чур меня

когда калом и кровью наполненный котел опрокинется
желтые жабы примут подобье камней
когда сук суковатый рукою отсохшей прикинется
ты прилетишь ко мне

чур меня

БОРИС КУПРИЯНОВ
(р. 1949)

х х х

Горел ли когда под Полтавою швед?
Нам пламени знать не дано.
Угрюмые рюмки, корявый букет,
Дешёвое слишком вино.
На севере так, а на западе нет.
На севере город стоит.
Там сутки давно позабытых карет,
И некто на лавочке спит.

~~1969~~ <1869>
~~1969~~

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Если сердце заслушает, не забываясь, означает
речь громадного мастера яда в рассыпанных искрах стыда,
обязательно тут же сидящая дева заплачет,
зарыдает двуликого Януса та половина и та!

О, двуликий, учи мастерство пресупленью.
Золотая середина, вырождая святош по любви,
не годится творящему; любящему для умения
выживать. Но учивший летать обязательно скажет: плыви!

Янус, что за вопросы? Зачем ты колеблешь ребенка!
Дева держится вся из последних, надуманных сил.
Мастер, перемените пластинку, рифмуйте поближе -
в колонку.
Боже, кто ж это нас до такой сложности упростил.

Я и сам, как в гостях, и домашнего слова не слышал.
Вивисекция рано отпущенных жизнью грехов!
Мастер, не обижайтесь - мы встретимся с вами на крыше.
Что мы собственно можем, когда не читаем стихов.

Янус, я для читателя перепишу отходную!
Посмотрите, какая в тенетах моих красота.
Я хотел написать, что любовь иногда именуют;
только, как именуют, уже отлетело с листа.

Каждой твари по паре. Читатель, следи за изменой:
у возлюбленной лютня, у мастера темный флакон.
Дева больше не плачет - я ей положил на колени
завалившее яблоко и выхожу на балкон.

Если сердце заслушает, не забываясь, значит...
Только чуть отдышусь; по стаканчику щелкнем еще!
День как будто бы прожит. Двуликий нас не особачит.
Мастер древнего яда зеленым укроет плащом.

У возлюбленной сад задыхается в пьяном угаре.
У меня под крылом прошлогодняя лютня молчит.
Я хотел написать: кто же сердце мое отоварит
в перевернутой Богом за что неизвестно ночи.

1972-1973

1973

→ х х х

На тягловую силу полежаь,
На русскую сто крат литературу,
Он тащится, шатаясь и виясь,
До голубых костей сдирая шкуру.

Судьба - судьбой. У рыбы есть судьба.
И у собаки голубые кости
Все так же есть. Он говорит: борьба...
А я смотрю: лукавый на погосте.

Нет хитрости, хранящей пустоту,
И нету зла для высшего судейства!
Страдание принявший по суду,
Он своего не оценил злодейства.

1972-1973

~~1973~~

РАЗЛУКА →

Обозревший хаос, недоступные взору края,
подчиняешься сам воробьиному взгляду.
Всё, что знал, утаив. Рабской крови своей не тая,
ты проходишь сегодня скворцом, [→] всесоюзным скворцом
Трудового подряда.

Ах, как трогателен голубиный помет
птицы мира, - вселенского чуда,
но Борис Леонидович карту загнет,
и поставит скворца за царя и Иуду.

Будет торкаться, будет просить передать
передачу по радио - "Вести из леса",
а потом заколдобится мать-перемать;
нету в обществе щей достоевского весу.

На останках Иосифа кровью козла
нарисует усы или белые зубы,
а потом обнаружит, что выжгли дотла
исполинской поэзии губы.

Ах, как трогателен, обозревший хаос:
временщик, современник, козленок!
До свиданья скворцы говорящие в нос!
До свиданья игрок из пеленок.

1972-1973

~~1973~~

х х х →

Элегических числ от листа потревоженных мягко,
не задувший свечи, ⁶осецаешь пространство - вестимо!
Каждый звук, как ракушка - проевшая камень пиявка;
силой родственной крови, пресыщенной, но неделимой.

Песнь, сама по себе разивайся и знайся с подобной.
Не смотри на часы, человек, обеспеченный чудом.
Сколько выпренных знаков на улице нашей загробной:
не познавших пределов своей амплитуды.

Здравствуй, лирик, ньютоновой крепи не знающий, ^вздравствуй!
Здравствуй, трагик, познавший ньютоновы крепи.
Отлетаю. Листок стихотворный не властвуй!
Глупо только в пустыне, но наши умнейшие степи
научили летать не одни только тучи железа, -
этим тучам подстать наши души словесного среза.

Так о чем же я начал? О гласных, согласных и прочих -
соглядатаях сердца! Ракушках, камнях и цветочных
испарениях: муки, вражды и любви!

Здравствуй ветер степных и счастливых низовий.

1972-1973

~~1973~~

ПРИГОВОР

В дебрях смерти утомленной,
в долгих ангела руках
ты признался. Ты влюбленный
человек. Любовь в веках.

Или скаредного неба
для признаний таковых,
слишком ветреная Геба
жизнь форсирует, как стих.

А я да не яблоко вкушаю,
а над подсвечником дрожу.
Я тебе не разрешаю
и себе не разрешу.

И копытца в царстве парных
горькой водки не искал,
а искал чудес словарных
и взалкал.

Горе роце маловерной,
не сумевшей птиц ласкать.
Слава мышце подреберной,
все прощающей опять.

< 1975 >

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

Чем темнее, тем тише. Улыбка мерцает, как птица.
Поцелован и позван к столу, и замечен.
Слышишь шорох толпы? Скоро звон колесницы.
Скоро наши объятья и свечи.

По глотку, по смиренью, по робости с болью,
По мертвящему чувству обиды,
По стечению всех обстоятельств с любовью,
По лицу повидавшему виды!

По всему, что зовется реальным и внятным,
Что назваться умеет без страха,
Я хочу промолчать; и кивком непонятым
Прощаться. Молчи, Андромаха.

Гектор выслушал жесткость и нежность пустыни,
Даже вглядывался в мерцанье.
Он послушен, спокоен и страшен отныне,
Потому что умрет, как названье!

А на самом-то деле мечта и молитва

Розовела за дальней за далью:

Не с копьём, говорю, мол... не с копьём, говорит, мол...

А с песчинкой, погнавшей в сандалю.

Происходит: лежим, не шелохнется днище;
Дорогая метнулась, как лебедь.
Мы заснем в наготе, в ~~прищипке~~^{васоте}! И почище,
чем звезда со звездой на небе.

⟨1975⟩

В Я Ч Е С Л А В Л Е Й К И Н

(р. 1937)

х х х →

В подвале заколачивают гроб.
Покойника в парадное одели.
Едва не дожил до Страстной недели,
Тогда бы, может, утомленный поп
Содрал поменьше. Каша на столе.
Сочувственно сморкаются соседи.
На кладбище не будет гулкой меди
И скорбного обзора за сто лет.
Потопчутся вокруг ямы, возопит
Вдова, упав на гроб массивным телом,
И вот уже несчастный - за пределом,
А через месяц кое-как забыт...
На кладбище прохожему ленько:
Поодаль, наблюдая эту сцену,
Он вдруг поймет, что жизнь имеет цену
Высокую, как птичье молоко.
Один посмертно в мраморе возник,
Другой крестом помечен неказистым -
Не в этом дело. Сколько не возись там,
Всех уравниет тот единый миг,
Когда всему конец... Давайте жить!
Упорно говорить друг другу "здравствуй",
Летать и ползать, отдаваться в рабство
И возвышаться, править и служить,
И каждый день считать последним днем,
Поэтому насиловать крамольно
Его часы. При этом произвольно
Любить других, другую, друга... В нем

Понять себя. Когда бы удалось
Восстановить Элладу по обломкам,
Оставить вечный двигатель потомкам
И средство для ращения волос,
То можно умереть счастливым!.. Нет.
Жить, лишь бы жить! Двухтысячный и доле,
Не замечая горечи и боли,
Привычно разделяя тьму и свет...

В подвале заколачивают гроб.
На чердаке развешивают тряпки.
Домоуправ бумагу ищет, в папке
И чешет свой домоуправский лоб.
Рабочие, ругаясь, красят храм.
Сутулый голубь гадит на Барклай.
Светило, озабоченно пылая,
Дарует день. А смерть пока не к нам.
И славно говорить: "Хочу", "Люблю"!
И невдомек, что все простое сложно,
И - как там? - "невозможное возможно".
...↑А я-то, дурень, сочинил петлю.

←1977 →

БОРИС ЛИХТЕНФЕЛЬД

(р. 1950) →

→ ПАМЯТНИК НА ПУШКИНСКОЙ

Не выхвачен из мглы прожекторами,
как тот, на светской площади, двойник -
о, как он мрачен вечерами!
Еще какой-то миг -
и, кажется, услышим шаг хрустящий
и вздрогнем, а в ушах
другой, тяжелый, отзовется шаг -
пришедшего на зав души пропащей.

—

Тебе ли место здесь, где каждый двор живет
по Достоевскому, о выпускник лицейский,
где дом на капремонте, где снует
меж сквером и участком полицейский?

А впрочем, что-то в сем квартале есть
тебе сродни, пожалуй,
хотя до звуков, кои ты обрести
сподобился, заботы нет нималой
двум старичкам, вечерний моцион
свершающим, соснувшему шоферу,
такси и женщине с болезненным лицом,
отдернувшей - видать, не спится - штору
на третьем этаже. Устойчивой тоской
насыщен воздух здешний.

- Ну что, скажи, нашел ты там покой,
к которому душою безутешной
стремился тут?.. Молчишь?.. Молчи, Поэт!
Но я-то знаю, чую:

как час придет за все держать ответ -
вотще на помощь славу звать мирскую,
посмертную - вотще. Мзда воздана:
толпа твое склоняет имя.

.....
.....

Знаю

Но оглядись вокруг... Жестокий век
на всех, на всем лежит печатью,
как на челе твоём, на испещренном ятью
высоком пьедестале - снег.

2-я половина 1970-х

— X X X

Мой с изнанки написанный только что автопортрет
Не внушает доверья: сыграло бы сходство во вред.
Надоело осмысливать: нет безнадежней занятия!
Так не лучше ли впитывать жизнь целиком, без изъята,
Не терзаться, не выситься, стоя на шатком столпе
Своего одиночества, а раствориться в толпе
Деловитых прохожих, в гнетущем бесформенном *przesto*,
Где фигура и шаг твой обрящут достойное место,

Лист осенний топтать и, пока тебя ноги несут,
Все ловить, опуская добычу в бездонный сосуд,
Ничего не вскрывать инструментом своим негодящим,
Сплюнуть прошлое, сдунуть и лить, наконец, настоящим,
Влечь подругу к блаженству, с друзьями за чаркой вина,
Вызвав призрака веселья, о чем-то шуметь дотемна,
А набравшись, мудреть для себя самого незаметно
И ночами бессонными к Музе пылать безответно,
Так вот век коротать, не гнущаться докучных забот,
Так скользить по поверхности этих обиденных вод
И вынашивать замысел той кристаллической книги,
Что на Время и Вечность отбросит заветные блики.

2-я половина 1970-х

х х х

Преступление, по сути, трехпластно.
Первый пласт драматичен и дик:
Зритель в шоке, судейство пристрастно
И внушительен список улик.

О втором - лишь преступные души
Разумеют. Прижаты к стене,
Признают, что виновны снаружи,
И не чувт вины в глубине.

Что сказать, я не знаю, о третьем,
И кому это ведать дано:
То ли в пламени вечно гореть им,
То ли будет им все прощено.

Ноябрь

~~1980~~ 1980 Е

АЛЕКСЕЙ ЛОСЕВ

(р. 1937) →

х х х

Петренко вскочил в половине восьмого.
Неясен был сон и кошмарен к тому ж.
Петренко сказал непечатное слово,
включив над собою мучительный душ.

Пока пригорала и булькала каша,
Петренко будил своих сына и дочь.
Вставали в кроватках Витюша и Даша.
За окнами медленно таяла ночь.

Текла по кастрюльке горелая пенка,
и ложки скрипели, и после восьми,
жуя на ходу, одевался Петренко
и долго и нежно прощался с детьми.

И, пообещав им игрушки и сласти,
спешил на работу, оставив детей
во власти двух женщин, живущих во власти
дурных настроений и странных идей.

~~Между 1965 и 1976~~

X X X

Под стрехою на самом верху
непонятно написано ХУ.
Тот, кто этот девиз написал,
тот дерзнул угрожать небесам.
Сокрушил, словно крепость врагов,
ветхий храм наших дряхлых богов.
У небес для забытых людей
он исхитил, второй Прометей,
не огонь, голубой огонек -
телевизоры в избах зажег.
Он презрел и опасность и боль.
Его печень клокот алкоголь,
принимающий облик орла,
но упрямо он пьет из горла,
к дому лестницу тащит опять,
чтобы надпись свою дописать.
Нашей грамоты крепкий знаток,
он поставит лихой завиток
над союзною буквою И,
завершая усилья свои.
Не берет его русский мороз,

не берет ни склероз, ни цирроз,
ни тоска, ни инфаркт, ни инсульт,
он продолжит фаллический культ,
воплотится в татарском словце
с поросычьим хвостом на конце.

1874
~~Между 1965 и 1976~~

ИЗ ЦИКЛА "ВЫПИСКИ ИЗ РУССКОЙ ПОЭЗИИ"

АНДРЕЙ БЕЛОВОЦКИЙ

Ах, червячки. Ах, бабочки в траве.
Кудрявые утесы, Водоносы...
Все те, кто знали грамоте в Москве,
писали только вирши да доносы.

Его же столь лелеемый диплом,
полученный в стенах Вальядолица,
для них был точно горькая обида -
ну как тут не прослыть еретиком.

Но тут они хватили через край.
Он получает повышение в чине.
Но тут подводит знание латыни,
и он командировается в Китай

в состав посольства (видимо, Москва
беседует с Пекином на вульгате)...
Запас вина иссяк до Рождества,
но пристрастился к опиуму кстати.

Китайский Рим. Патрици в шелку
в поляке презирают москвитя.
Посол лютует. Интригует свята.
И надо быть всё время начеку.

О Матерь Божия, куда я занесен.
Невольно появляются сомненья
в реальности. "La vida es sueño".
"Жизнь это сон". Как дальше? "Это сон..."

От диарреи бел, как молоко,
среди желтых уток белая ворона,
пан Анджей тшится вспомнить Кальдерона.
Испанский забывается легко.

2. БАТЮШКОВ

Ты мне скажешь - на то и зима,
в декабре только так и бывает.
Но не так ли и сходят с ума,
забывают, себя убивают?

На стекле заполярный пейзаж,
балерин серебристые пачки.
Ах, не так ли и Батюшков наш
погружался в безумие спячки?

Бормотал, что мол что-то стубил,
признавался, что в чем-то виновен.
А мороз между прочим дубил,
промораживал стены из бревен.

Замерзало дыханье в груди.
Толстый столб из трубы возносился.
Декоратор Гонзаго, гляди,
разошелся старик, развозился.

С мутной кашлей на красном носу
лез на лесенки, снизу елозил,
и такое устроил в лесу,
что и публику всю поморозил.

Кисеей занесенная ель.
Итальянские резкости хвои.
И кружатся, кружатся досель
в русских хлопьях Психеи и Хлои.

3. ПУШКИН

Собираясь в дальнюю дорожку,
жадно ел моченую морошку.
Торопился. Времени в обрез.
Лез по книгам. Рухнул. Не долез.
Книжки - слишком шаткие ступени.
Что еще? За дверью слезы, пени.
Полно плакать. Приведи детей.
Подведи их под благословенье.
Что еще? Одно стихотворенье.
Пара незаконченных статей.
Не отправленный в печать номер.
Письмецо, что не успел прочесть.
В общем, сделал правильно, что умер.
Все-таки, всего важнее честь.

← Между 1976 и 1979 →

МЕСТОИМЕНИЯ

Предательство, которое в крови,
предать себя, предать свой глаз и палец,
предательство распутников и пьяниц,
но от иного, Боже, сохрани.

Вот мы лежим. Нам плохо. Мы больной.
Душа живет под форточкой отдельно.
Под нами не обычная постель, но
тухляк-тюфяк, больничный перегой.

Чем я, больной, так неприятен мне,
так это тем, что он такой неряха:
на морде пятна супа, пятна страха
и пятна черт чего на простыне.

Еще толчками что-то в нас течет,
когда лежим с обмявшими ногами,
и все, что мы за жизнь свою нагнали,
теперь нам предъявляет длинный счет.

Но странно и свободно ты живешь
под форточкой, как ветка, снег и птица,
следа, как умирает эта ложь,
как больно ей и как она боится.

~~Между 1976 и 1979~~

Д М И Т Р И Й М О К Р И Н О В
(р. 1946)

Не печатаю

х х х

Белой тенью ты мелькнула
В полумраке на стене
В тот же миг стихок Катулла
Произнес я в полусне
Но твоей бесплатной тени
Не поймать мне платья край
Кто не падал на колени
Пред виденьем невзначай?
И легка как Беатриче
На ладони у любви
Ты стояла для приличья
С розой спелой на груди.

/ 21.II.1970 /

х х х

Где хоровод весенних пчел
Струит свой желтой вербы рой
Ты шел дождем с горы на дол
И снова вился над горой
И дети пестрые резвились
Вдруг среди них раздался рык
В ручье пилявкав камешки катились
Весь бурный по траве запрыгал бык
И фарточку надев кафтанно
Он улыбнулся розовой губой
Смеялись, говоря: - Вот так недавно

не печатаю